

**МИНУС ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ
ГРАДУСОВ ПО ЦЕЛЬСИУ**

Григорий Кудряшов

Минус пятьдесят семь градусов по Цельсию

<https://litres.ru/74070464>

SelfPub; 2026

Аннотация

Олег Евгеньевич — бывший полярник, доживающий свой век в архангельской хрущёвке. Он просыпается в шесть утра, ходит в продуктовый, гладит старый компас и спит при включённом свете. Его жизнь — ритуал, за которым ничего не стоит, кроме памяти о «Академике Обручеве» и о том, что случилось в ту экспедицию.

Однажды компас, мёртвый тридцать лет, оживает. Стрелка дрожит и указывает на север — туда, где среди льдов покоится корабль с замороженным существом, которое видело его сквозь лёд. А в запертой комнате за стеной кто-то начинает ходить.

Олег понимает: он должен вернуться на север. Своими глазами убедиться, что корабль пуст. Что всё это — плод его большого воображения. Или же — встретиться с тем, кто тридцать лет назад открыл глаза в ответ. Потому что если не закончить сейчас, это не закончится никогда. Он будет сидеть в этой квартире при свете всех ламп, слушая шаги за стеной, пока не умрёт.

Полярный хоррор: прошлое не отпускает, и выход один — вернуться в тьму.

Григорий Кудряшов

Минус пятьдесят семь градусов по Цельсию

МИНУС ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ ГРАДУСОВ ПО ЦЕЛЬСИЮ

Глава 1

За окном было не утро. Так, промежуток между ночной тьмой и дневными сумерками, когда небо напоминает старую простыню — серое, выстиранное до дыр, сквозь которое всё равно ничего не разглядеть.

Олег Евгеньевич открыл глаза ровно в шесть тридцать. Без будильника. Тридцать лет подряд он просыпался в эту минуту, и организм привык точнее любого хронометра. Сначала он просто лежал. Смотрел в потолок, где трещина от бывшей протечки разрослась за зиму еще на три сантиметра. Слушал, как за стеной сосед сверху — вечно пьяный, вечно одинокий мужик по фамилии Корякин — шаркает тапками до туалета. Капает вода в раковине на кухне. Где-то далеко, на Ленинградском проспекте, урчит первый рейсовый автобус.

Он не спешил вставать. Спешить было некуда. И незачем. Поворот головы направо. На тумбочке — старый компас

в потертом кожаном чехле. Стрелка давно не намагничена, указывает куда-то в сторону Нёноксы, но Олег Евгеньевич всё равно гладил его каждое утро. Ладонью. Медленно. Большим пальцем по выпуклому стеклу, где осталась микротрещина от удара много лет назад. Ритуал. Без него день не начинался.

Он сел на кровати. Позвоночник хрустнул — три позвонка в пояснице напомнили о себе глухой ноющей болью. Левая нога в щиколотке, та самая, заныла тоже. Всегда к погоде. Значит, сегодня будет снег или ветер. Или и то и другое.

Семьдесят два квадратных метра хрущевки на третьем этаже. Две комнаты, но вторую он запер два года назад, когда понял, что ходить туда незачем. Там стояли коробки с полевыми дневниками, образцами грунта, старыми фотографиями. Пыль. Тишина. Запах засохшей бумаги. Олег Евгеньевич захлопнул дверь и больше не открывал.

Кухня — четыре квадрата, где помещался только стол, стул, холодильник и газовая плита с двумя работающими конфорками. Окно выходило во двор. Там, внизу, ржавые качели, сломанная песочница, бомжи в подъезде греются у батарей. Архангельск. Город, где ветер дует всегда. Где снег лежит семь месяцев. Где люди живут так, словно уже умерли, но забыли лечь в гроб.

Олег Евгеньевич поставил чайник. Эмалированный, синий, с отбитым носиком, но верный. Насыпал в кружку «Принцессу Нури» — дешевый пакетированный чай, кото-

рый брал в «Пятёрочке» упаковками. Не потому, что нравился. А потому, что привык. Как к комару в августе, как к кислому запаху подъезда, как к одиночеству.

Пока вода грелась, он умылся ледяной водой из крана. Зеркало в ванной треснуло по диагонали, и его лицо распалось на две половины. Левая — морщинистая, обветренная, с глубокими складками у губ. Правая — такая же, но чуть более серая. Глаза — светло-серые, выцветшие, без блеска. Когда-то, говорят, они горели. Сейчас в них не горело ничего. Только усталость. Только память о том, что было когда-то.

— Ну и с кем я сегодня буду разговаривать? — спросил он своё отражение.

Отражение промолчало.

Чайник закипел. Олег Евгеньевич заварил кружку, откусил половину зефира — вчерашнего, зачерствевшего, но сладкого — и сел у окна. За стеклом — ни души. Двор пуст. Детей нет. Собак нет. Людей нет. Только снег, ветер и бесконечная серая пелена над крышами.

Он пил чай маленькими глотками. Смотрел, как пар поднимается к потолку и тает. Думал. Ни о чём. Это особое умение — думать ни о чём. Вырабатывается годами. Сначала ты гоняешь в голове воспоминания, как старые пластинки, снова и снова. Потом они стираются. Иголлка соскакивает. И остаётся только шорох.

Восемь часов. Пора в магазин.

Он одевался долго. Сначала термобелье — старое, казённое, ещё с полярной экспедиции, с выцветшим штампом на резинке. Сверху — шерстяной свитер, связанный неизвестно кем и неизвестно когда, но греющий до костей. Потом — куртка на синтепоне, шапка-ушанка, валенки с галошами. Валенки он чинил сам: правый три раза подклеивал, левый прошил бечевой. Всё в этом мире он делал сам. Потому что некому было сделать за него.

Ключи, пенсионное удостоверение, триста рублей мелочью. Дверь закрипела — замок просил смазки уже год, но рука не поднималась. А зачем? Чтобы он открывался тише? Для кого?

Лестница пахла кислой капустой и кошачьей мочой. На втором этаже, на подоконнике, сидел чей-то рваный пакет с пустыми бутылками. Олег Евгеньевич перешагнул через него, как делал это тысячу раз. Вышел на улицу.

Ветер ударил в лицо сразу — хлётко, по-хозяйски. Минус восемнадцать, не больше, но с ветром — все тридцать. Олег Евгеньевич поправил воротник, глубоко вздохнул. Воздух был чистым, острым, резал лёгкие, как нож. И в этом была единственная радость этого утра. Он всё ещё чувствовал холод. Он всё ещё был жив.

До «Пятёрочки» — четыре минуты ходьбы. По расчищенной, но скользкой дороге, мимо остановки, где никто не ждал автобус, мимо палатки с шаурмой, заклеенной скотчем, мимо голых тополей, чьи ветки ломались под тяжестью наледи.

В магазине — дежурное «здравствуйте» продавщице Та-не, которая работала здесь пять лет и ни разу не спросила, как его зовут. Она называла его «дедушка». Олегу Евгеньевичу было шестьдесят семь.

— Дедушка, вам пакет нужен?

— Нет, у меня свой.

— Ну смотрите.

Он брал гречку — пачку, молоко — литр, кефир — бутылку, зефир — одну пачку, если есть в наличии, и хлеб. Больше ничего. Иногда, по большим праздникам, он брал банку шпрот. Шпроты он ел прямо из банки, не выкладывая на тарелку. Запивал чаем. И чувствовал себя почти человеком.

Обратно шёл медленнее. Нога ныла. В щиколотке, прямо там, где тридцать лет назад кость вышла из сустава на палубе «Академика Обручева». Он не обращался к врачам. Зачем? Скажут — операция, госпиталь, реабилитация. А кто будет поливать цветы? Хотя цветов у него не было.

Дома он разложил продукты, переложил гречку из пачки в стеклянную банку — так она дольше хранится, поставил молоко в холодильник. Обед будет в двенадцать. Две котлеты, разогретые на сковороде, с гречкой. Котлеты он жарил раз в три дня. Свинина с луком, без хлеба, жёсткие, сухие, но сытные. Он не любил готовить. Он любил, когда процесс был предсказуем.

Двенадцать часов. Обед. Телевизор включён на «Культуре». Говорят про какого-то художника-передвижника. Олег

Евгеньевич не слушает, он жуёт. Жуёт размеренно, тридцать жевков на кусок, как учили в молодости в Арктике — там желудок берегут, там не жрут на бегу.

После обеда — сон. Час, не больше. Сон тяжёлый, без сновидений, но с дрожью в теле. Просыпаешься — и не понимаешь, какой сейчас год. Месяц. День. Где ты. Кто ты.

В четыре — второй чай. Тот же зефир, та же кружка. Он сидел у окна и смотрел, как смеркается. В Архангельске в феврале смеркается рано. В четыре уже темно, в пять — хоть глаз выколи. Включается фонарь под окном — жёлтый, чашоточный, от которого на потолке пляшут тени.

В семь — ужин. Кефир с хлебом. Иногда яйцо, если не забыл сварить.

В девять — телевизор выключен. Тишина. Абсолютная, ватная, тяжёлая. Олег Евгеньевич сидел в темноте. Не зажигал свет. Ему нравилось так — когда комната тонет в сумерках и только окно светится слабым жёлтым пятном от фонаря. В такие моменты он чувствовал себя не в Архангельске. Не в двадцать первом веке. А где-то там, на краю земли, где нет никого, кроме него и снега.

Он брал компас. Не смотрел на стрелку. Просто держал в руке. Гладил большим пальцем трещину на стекле. И шептал что-то. Беззвучно. Одними губами.

В одиннадцать — кровать. Спина на правый бок, левая нога вытянута, правая согнута. Одеяло под подбородок. И свет — он не выключал лампу. Тридцать лет он спал при

свете. Соседи думали — старческий склероз. Доктор в поликлинике сказал — возрастные изменения. Никто не знал правды. Никто не спрашивал.

А правда была простой и страшной: во сне, в полной темноте, он видел глаза. Жёлтые. С вертикальным зрачком. Они смотрели на него из угла комнаты.

Олег Евгеньевич вздрагивал, открывал глаза, включал лампу. В углу никого не было. Конечно, не было.

Но он больше не выключал свет.

Завтра будет то же самое. И послезавтра. И через год. Серая вода за окном, белый снег на дорогах, пустая квартира, компас на тумбочке. И тишина.

Такая густая, что можно резать ножом.

Такая громкая, что хочется выть.

Он не выл. Он спал при свете. И ждал.

Сам не зная чего.

Может быть, смерти. Может быть, чуда.

А может быть, просто ждал, когда закончится этот день.

Чтобы завтра начать его заново.

Глава 2

Четверг прошёл так же, как среда. Пятница — как четверг.

Олег Евгеньевич мог бы пересказать свою неделю за три минуты, и собеседник не уловил бы разницы между понедельником и воскресеньем. Разве что в субботу он мылся в бане. Раз в неделю, по субботам, он топил маленькую элек-

трическую колонку в ванной, сел на табурет и поливал себя ковшиком. Мыло было дегтярное, жёсткое, пахло больницей и детством. Он тёр кожу до красноты, будто пытался смыть не грязь, а саму память о себе.

В воскресенье он звонил дочери.

Дочь жила в Санкт-Петербурге. Ей было сорок два, она работала бухгалтером в какой-то строительной компании, и у неё была своя жизнь. Такая, в которой отцу оставалось место раз в неделю, на десять минут, пока не садился телефон.

— Алло, пап. Всё нормально?

— Всё нормально. Как ты?

— Нормально. У Ленки в школе родительское собрание было, она по математике двойку получила. Говорит, учительница злая. А я думаю, просто ленивая.

— Передавай Ленке, чтобы училась. Математика — это важно.

— Передам. Пап, ты кушаешь нормально?

— Да. Всё есть.

— Ты это... К врачу сходи. Нога болит?

— Пройдёт.

— Пап, ну нельзя же так. Ты один, вдруг что случится?

— Не случится.

— Вечно ты так. Ладно, я побежала. Пока.

— Пока.

Гудки. Олег Евгеньевич держал трубку у уха ещё секунд десять, слушал мёртвый шум линии. Потом клал её на рычаг

— старенький, ещё дисковый аппарат, который трещал при наборе — и шёл на кухню.

Он не винил дочь. Винить было некого. Она звонила. Она спрашивала. А чего ещё он ждал? Что она бросит всё и придет в Архангельск сидеть с ним, старым, ворчливым, с его компасом и кошмарами? Не имел он на это права.

Иногда, очень редко, он доставал из тумбочки фотоальбом. Чёрный, с выцветшими уголками. Открывал на середине. Там была фотография: молодая женщина с русой косой, в синем пуховике, держит на руках маленькую девочку в вязаном шлеме. Сзади — бескрайний снег и борт корабля. «Академик Обручев» — видно буквы «А» и «О» на борту.

Это была его жена. Её звали Ирина. Она умерла, когда дочери было шесть. Рак. Быстро, за три месяца, так быстро, что Олег Евгеньевич не успел ничего понять. Он тогда был в экспедиции. Вернулся — а её уже нет. Дочь жила у тёщи в Питере. Потом он забирал её на лето. Потом она выросла и перестала приезжать. Потом вышла замуж. Потом родила Ленку.

А он так и остался там, в том годе, с той фотографией.

Он смотрел на неё по вечерам. Иногда подолгу. Старался не плакать — слёзы вымерзли где-то на семьдесят первом градусе северной широты, осталась только сухая, колючая тоска. Она сидела в груди, под рёбрами, как заноза. Не смертельно. Но больно.

В среду на второй неделе нашего повествования случи-

лось событие. Обычный человек назвал бы его ничтожным. Для Олега Евгеньевича оно стало трещиной в монолите.

Он уронил компас.

Это вышло случайно. Он потянулся за кружкой с чаем, задел тумбочку локтем, и компас полетел на пол. Упал на линолеум с глухим стуком. Олег Евгеньевич замер. Сердце пропустило удар — не от испуга, от чего-то другого. От ужаса. Словно упало нечто живое.

Он поднял компас дрожащими руками. Осмотрел. Кожаный чехол помялся, но не порвался. Стекло — целое, слава богу, та самая микротрещина не увеличилась. Стрелка... стрелка дёрнулась.

Она дёрнулась и остановилась. Но теперь она показывала не на Нёноксу.

Олег Евгеньевич поднёс компас к глазам. Стрелка указывала на север. Настоящий север. Тот, которого она не видела двадцать лет, потому что магниты внутри давно размагнитились. Но сейчас она дрожала, колебалась в пределах пары градусов и уверенно, настойчиво тянула к окну. Туда, где за серой пеленой лежало Белое море. А за морем — Северный Ледовитый океан. А за океаном — полюс.

— Не может быть, — сказал Олег Евгеньевич вслух.

Он перевернул компас. Постучал по стеклу. Потряс. Стрелка качнулась, вернулась на место. Север. Снова и снова.

Он поставил компас на стол и отошёл на три шага. По-

смотрел на него со стороны. Маленький, потрёпанный прибор в кожаном чехле. Обычная вещь. Нет, не обычная. Это был его компас. Тот самый, который он держал в руке на палубе «Академика Обручева» в ту ночь. Тот самый, которым он проверял направление, когда льдина с ним дрейфовала семь дней. Тот самый, который отказал на третьи сутки, когда температура упала ниже критической, а батарейки сдохли.

Он закопал его тогда в снег, чтобы не мешал. А потом, когда рыбаки подобрали его, достал, отогрел, положил в карман. И с тех пор не расставался.

Компас не работал двадцать лет. Просто не работал. Стрелка торчала в одну сторону, как заколоченный гвоздь. Олег Евгеньевич знал это. Привык. Гладил мёртвое стекло, потому что живое — слишком больно.

А теперь стрелка ожила.

— Этого не может быть, — повторил он громче.

Он подошёл к окну. За стеклом — обычный февральский Архангельск. Снег, ветер, темнеющее небо. Ничего необычного. Никакого магнитного поля, никакой аномалии. Он проверил — поднёс к компасу нож, старую финку, которую держал на кухне. Стрелка дёрнулась к лезвию. Работает. Чувствует металл.

— Значит, просто намагнитился заново, — сказал он себе.

Но не поверил.

Он сел на стул и долго смотрел на компас. Стрелка всё так же указывала на север. Или не на север? Он достал смартфон — дешёвый китайский, который купил только ради того, чтобы дочь могла дозвониться — включил встроенный компас. Тот показывал на северо-запад. Расхождение в двадцать градусов.

— Глюк, — сказал Олег Евгеньевич. — Старый прибор. Всё.

Он убрал компас в тумбочку. Закрыв ящик. Выпил чай. Посмотрел телевизор. Лёг спать — при свете, как всегда.

Но уснуть не смог.

В голову лезли мысли. Не воспоминания — они приходили каждый день. Нет, сейчас лезло другое. Ощущение. Липкое, холодное, как прикосновение мокрой рыбы. Ощущение, что за ним следят. Не здесь, в квартире. А где-то далеко. На севере. Там, где тридцать лет назад он оставил нечто.

Нечто, что не умерло.

Он сел на кровати, включил лампу — самую яркую, настольную, которую купил специально, чтобы в комнате не оставалось тёмных углов. Но сегодня тени всё равно были. Они сгущались за шкафом, под столом, в дверном проёме. И ему казалось, что в каждой из них — жёлтые глаза с вертикальным зрачком.

— Глупости, — сказал он громко. — Старый дурак. Компас сломался — и уже мерещится.

Он лёг. Закрыв глаза. Но перед закрытыми веками стояло

не привычное чёрное ничто, а то же самое — жёлтый взгляд из темноты.

Олег Евгеньевич открыл глаза. В комнате никого не было. Лампочка горела ровно. За окном — только снег и ветер.

Но холод стоял такой, будто где-то рядом, за тонкой стеной, разверзлась бездна. Минус пятьдесят семь. Температура, при которой замерзает спирт. Температура, при которой сталь становится хрупкой, как стекло. Температура, при которой он в последний раз видел капитана живым.

Он не спал в эту ночь. Сидел на кровати, обняв колени, и смотрел на тумбочку. В ящике лежал компас. Стрелка указывала на север.

И Олег Евгеньевич впервые за долгое время подумал не о том, что было. А о том, что, возможно, ещё будет.

Эта мысль была страшнее любого кошмара.

Глава 3

На следующее утро Олег Евгеньевич проснулся с чётким ощущением, что в квартире кто-то есть.

Он не услышал этого. Не увидел. Просто знал — так знаешь, что за дверью стоит человек, даже если не слышал шагов. Чувствуешь тяжесть присутствия, смещение воздуха, изменение давления. Навык, выработанный годами в тесных каютах, где каждый кубометр пространства на счету.

Он сел на кровати. Лампочка горела — он не выключал её с вечера. В комнате никого. Дверь в коридор прикрыта, но не заперта. На кухне — тишина. Холодильник не гудит — сдох

позавчера, и Олег Евгеньевич всё никак не вызывал мастера.
— Есть кто? — спросил он негромко.

Никто не ответил.

Он встал, прошлёпал босыми ногами до кухни. Пусто. Замок на входной двери защёлкнул — он сам проверял перед сном. Окна закрыты. Форточка тоже.

Но воздух был странный. Слишком свежий для запертой квартиры. Пахло снегом, солью и ещё чем-то неуловимым — чем-то древним, замороженным тысячи лет. Запах, который он не мог забыть. Запах трюма «Академика Обручева» в ту ночь, когда отказала система охлаждения.

Олег Евгеньевич постоял, прислушиваясь. Сердце стучало ровно, но тяжело, как кузнечный молот. Он заставил себя успокоиться. Открыл ящик тумбочки — компас лежал на месте. Стрелка дрожала, указывая на северо-северо-запад. Почти туда же, куда показывал вчера.

— Намагнитился, — повторил он, хотя уже не верил.

День начался с опозданием на двадцать минут. Он сбил ритуал — сначала забыл погладить компас, потом заварил чай слишком крепко, обжёгся и выругался. Зефир кончился. В «Пятёрочку» идти не хотелось, но и оставаться в квартире с этим странным запахом — тоже.

Он оделся быстрее обычного. Вышел в подъезд.

На лестничной клетке второго этажа, где обычно стоял пакет с бутылками, сегодня было пусто. Кто-то убрал. Или сам бомж забрал, или дворник. Олег Евгеньевич не придал зна-

чения.

На улице было ветрено. Минус двадцать два, термометр на остановке показывал. Снег скрипел под валенками с тем особенным, высоким звуком, который бывает только в сильный мороз. Олег Евгеньевич шёл не спеша, но внутри что-то подгоняло его. Ощущение, что за спиной — взгляд.

Он обернулся два раза. Никого. Только снег, летящий горизонтально, и серая стена соседней пятиэтажки.

В «Пятёрочке» сегодня былолюдно — для вторника, конечно. Три пенсионерки у полки с крупами, молодой парень с двумя упаковками пельменей, женщина с ребёнком. Олег Евгеньевич взял гречку, кефир, хлеб и — неожиданно для себя — банку шпрот. Без повода. Просто захотелось.

— Дедушка, у нас акция на зефир, — сказала Таня-продащица, пробивая товар. — Две по цене одной.

— Я один живу. Мне одной пачки на неделю хватает.

— Ну, как знаете.

Он заплатил, взял пакет, вышел. И на крыльце магазина его настигло.

Шаги.

Тяжёлые, медленные, очень отчётливые. Кто-то шёл за ним от самого выхода. Олег Евгеньевич обернулся резко — так резко, что хрустнула шея. Никого. Парень с пельменями пошёл в другую сторону. Бабки остались в магазине. Женщина с ребёнком стояла у ларька с овощами метрах в пятнадцати.

Шаги прекратились.

Он пошёл быстрее, насколько позволяла больная нога. Пакет хрустел в руке, гречка стучала о кефир. Он почти бежал — нелепый, сутулый старик в валенках, переваливающийся, как раненый пингвин.

Дверь подъезда, лестница, три пролёта. Дрожащими руками вставил ключ в замок, повернул, зашёл внутрь, захлопнул. Задвинул засов — старый, ржавый, который никогда не использовал. Прислонился спиной к двери. Сердце колотилось где-то в горле.

Тишина.

В квартире — обычный запах. Гречки, старой мебели, пыли. Никакого морозного дыхания из трюма.

— Дурак старый, — сказал он вслух. — Совсем дурак.

Он прошёл на кухню, выложил продукты. Руки дрожали — то ли от холода, то ли от страха. Он налил чайник, включил газ. Сел на стул, положил руки на стол.

И тогда он услышал это.

Стук.

Не из подъезда. Не от соседей. Изнутри. Из стены. Той самой, которая отделяла кухню от запертой комнаты.

Тук. Тук. Тук.

Три удара. Размеренных. Медленных.

Олег Евгеньевич замер. Не дышал.

Тук.

Четвёртый.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет.

Он встал, подошёл к стене. Приложил ухо к обоям. За стеной — тишина. Такая же густая, как во всей квартире. Ни звука.

Он ждал. Секунду. Десять. Минуту.

Ничего.

Отошёл. Сел обратно. Чайник закипел, щёлкнул, выключился. Олег Евгеньевич не заметил.

Он сидел и смотрел на дверь в ту самую комнату. Туда, где два года лежали коробки с полевыми дневниками, образцами грунта, старыми фотографиями. Туда, куда он не заходил.

А за дверью кто-то ходил.

Он не слышал шагов. Он чувствовал. Тяжёлые, мягкие, когтистые шаги. Не человека. И не зверя. Кого-то третьего.

— Я сошёл с ума, — сказал Олег Евгеньевич громко, чётко, как диагноз. — У меня старческий психоз. Галлюцинации. Бред. Нужно к врачу. Завтра же пойду. Обязательно.

Он встал, взял кружку, налил кипятку. Заварил чай. Выпил половину, не чувствуя вкуса.

Стук не повторился.

Но весь оставшийся день Олег Евгеньевич просидел на кухне, не отрывая взгляда от запертой двери. Телевизор не включал. Радио — тоже. Только сидел, пил чай, и ждал.

К вечеру он осмелел. Встал, подошёл к двери. Положил ладонь на деревянную филёнку. Древесина была холодной. Слишком холодной. Такой холодной, будто за дверью не бы-

ло отапливаемой комнаты, а была вымороженная камера.

Он резко отдернул руку.

Повернулся, ушёл на кухню, допил чай. Лёг спать при включённой лампе. Но в этот раз он не просто включил настольную лампу. Он включил все лампы, какие были в квартире: на кухне, в коридоре, даже туалете. Свет пробивался под дверью запертой комнаты тонкой жёлтой полоской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.